

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДЕМОСФЕН
ПИСЬМА

DEMOSTHENIS
EPISTOLAE

(окончание)

*

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. И. ДОВАТУРА

Перевод с древнегреческого и комментарии

В. В. Вальченко

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ДЕМОСФЕН ПИСЬМА

II

О СВОЕМ ВОЗВРАЩЕНИИ

Демосфен шлет привет Совету и народу.

(1) В продолжение всего времени моей политической деятельности я считал, что меня не только не постигнет такое наказание, если я не допущу никаких преступлений против вас, но и буду прощен, если бы даже совершил незначительный проступок. Когда же это произошло, я, пока видел, как вы всем выносите приговоры на основании негласных решений Совета¹, хотя с его стороны не было предложено ни ясных доказательств, ни улики, и находя, что вы поступаетесь ничуть не меньшим², чем то, что отнято было у меня, решил смириться. Ибо согласие судей, давших клятву, с тем, что ни сказал бы Совет, при отсутствии какого-нибудь очевидного доказательства было отступлением от формы государственного управления. (2) С тех пор как вы совершенно правильно поняли, что кое-кто в Совете готовит себе олигархическую власть, и нашли тайные решения этих людей достойными порицания, так как разбираете судебные споры на основании полученных доказательств, я полагаю, если на то будет ваша воля, что меня следует оправдать подобным же образом, как вы оправдали других обвиняемых, и чтобы я один из-за ложного обвинения не был лишен родины, имущества, общения с самыми близкими мне людьми.

(3) Конечно, афиняне, вас должно заботить мое оправдание, и не только потому, что я подвергся ужасному наказанию, не допустив против вас никаких преступлений, но и ради сохранения доброго имени у прочих людей. Если никто не напомнит вам о тех временах и случаях, когда я оказывал услуги государству, (4) то не думайте, что это остается неизвестным остальным эллинам и что они забыли о том, что я сделал полезного для вас, о чем я теперь воздерживаюсь писать по двум причинам: во-первых, потому что опасаясь неприязни, ввиду чего не стоит говорить правды, и, во-вторых, из-за того, что мы вынуждены сейчас вследствие порочности других эллинов делать много, недостойного тех моих заслуг. (5) В общих чертах это именно то, в чем подвергалась испытанию моя преданность вам и что приносит вам всеобщую славу, а мне дает надежду на величайшие дары с вашей стороны. Когда же неотвратимая, но неразумная судьба рассудила борьбу эллинов за свою свободу, взятую вами на себя, но не так, как было справедливо, а как ей хотелось, (6) я и во время, пос-

¹ Имеется в виду Совет Ареопага.

² Рукописное чтение «меньше» (ἐλαττον) Бласс исправил на *genetivus partitivus* прилагательного (ἐλαττόνων).

ледовавшее за этим, не изменил своей преданности вам и ничего не принял взамен ее: ни благодеяния, ни выгоды на будущее, ни богатство, ни власть, ни безопасность. И, однако, я видел, что все это имеют те, кому угодно было враждебное вам политическое направление. (7) Хотя и есть немало важных обстоятельств, по поводу которых, естественно, мне хочется высказаться откровенно, однако наиважнейшее, по моему мнению, состоит в следующем. Я не побоюсь сказать вам, что хотя на памяти людей всего нынешнего поколения Филипп и был искуснейшим человеком как в деле убеждения, умея придать разговору желательное направление мысли, так и в деле подкупа видных лиц в каждом из эллинских государств, (8) я один не поддался ни тому, ни другому, что служит к чести также и вам. Ведь множество раз я встречался с Филиппом и обсуждал с ним те дела, ради которых вы посылали меня в качестве посла, и множество раз я отказывался от денег, предлагаемых им, многочисленные свидетели чему еще живы. Итак, поразмыслите, какое мнение у них сложилось о вас; ибо поступить с таким человеком подобным образом — для меня, хорошо понимаю, означало бы несчастье, но отнюдь не позор, для вас же — неразумие; опровергните его, переменяя свое решение. (9) Однако все то, что сказано выше, я почитаю менее значительным, чем непрерывная и каждодневная государственная деятельность, в которой я проявил себя таким государственным деятелем, который не руководствовался ни гневом, ни враждой, ни незаконной выгодой ни в государственных, ни в собственных делах, в общественном же отношении оказался таким человеком, который никогда никого не обвинил ложно — ни гражданина, ни иностранца и пользовался своим даром красноречия не против вас, ставя на первое место собственную выгоду, а в вашу защиту, когда была в этом необходимость, на деле соблюдая общественные интересы. (10) Люди старшего поколения могли бы помнить — и справедливо будет, если вы расскажете молодежи, — о том народном собрании в присутствии Пифона Византийского³, когда он прибыл с послами от эллинов, цытаясь обвинить государство в несправедливых действиях, а ушел, убежденный в обратном, так как я один из тогдашних ораторов разъяснил правоту вашего дела. Впрочем, я обхожу молчанием те многочисленные посольства, какие я исполнил в ваших интересах, в которых вы никогда и ни в чем не потерпели ущерба. (11) Я занимался государственной деятельностью, афиняне, не для того, чтобы видеть, как вы стараетесь превзойти друг друга, и не для того, чтобы подстрекать город против самого себя, но исходя из того, что, считал, принесет вам славу и величие души. Всем этим следует вам, а особенно молодежи, восхищаться и искать не только такого человека, который угодливо станет оказывать всяческие услуги в государственных делах (ведь это совсем не трудно), но и такого, который доброжелательно будет порицать вас за то, в чем вы допускаете ошибки. (12) Кроме того, я оставляю в стороне и еще много, за что любой другой, оказавшись он совершенно бесполезным в иных отношениях, справедливо удостоился бы оправдания — хорегии, триерархии и добровольные денежные пожертвования во всех необходимых случаях; в этом я, испытанный, был не только в числе первых, но и призывал остальных делать то же самое. Подумайте, афиняне, насколько каждое из этих дел не заслуживает несчастья, которое ныне обрушилось на меня. (13) Обступившие меня теперь бедствия столь многочисленны, что я не знаю, какое из них мне следует оплакивать прежде. — То ли возраст, в котором я вынужден вопреки обычаю и моим заслугам испытывать бесславию ссылки? То ли бремя позора, под тяжестью которого я был пригово-

³ Пифон Византийский — оратор, ученик Исократы. В 340 г. защищал интересы Филиппа в Афинах (D e m., XVIII, 136).

рен, хотя для подтверждения моей виновности не нашлось ни одного аргумента, ни одного свидетельского показания? То ли мои надежды, в которых я жестоко обманулся, и выпавшие на мою долю несчастья, которые подобали бы другим? (14) Ведь я не был подвергнут наказанию за свою прежнюю политическую деятельность и не был уличен в том, за что меня судили. Конечно же, я не был другом Гарпала, и из всех предположений, касающихся дела Гарпала, лишь внесенные мною избавили государство от ответственности. Из всего этого становится ясно, что я стал жертвой обстоятельств, а не преступления, я незаслуженно оказался мишенью гнева, направленного против всех обвиняемых, из-за того что первым был привлечен к суду. (15) В самом деле, какие справедливые доводы я не привел в свою защиту, которые принесли оправдание тем, кто обвинялся после меня? Или какое доказательство привел совет, свидетельствующее против меня? И какое он может привести теперь? Совершенно никакого; ведь невозможно сделать происшедшим то, чего не произошло. Однако об этом, хотя я и мог написать еще немало, довольно; в сознании своей невиновности я обрел слабое утешение, но самое большое несчастье из всех моих бедствий. (16) Поскольку же вы, поступая совершенно правильно, примирились со всеми другими обвиняемыми, примиритесь также и со мной, афиняне. Ведь я не причинил вам никакого зла, пусть будут мне свидетелями боги и герои (в этом служит мне порукой вся моя прошлая⁴ жизнь, которая с большей справедливостью должна вызывать у вас доверие, чем недавно возведенное на меня бездоказательное обвинение), и, конечно, я не самый худший или самый неверный человек среди обвиняемых.

(17) Было бы также несправедливо, если бы мой уход вызвал гнев против меня: я не отказался от вас и удалился не потому, что ищу собственные выгоды в другом месте, но прежде всего по той причине, что я мучительно переживал позор тюремного заключения и не мог вынести физических страданий из-за преклонного возраста. Затем, я не считал, что вы станете возражать против того, чтобы я оказался вне досягаемости для оскорблений, которые губили меня, не принося вам никакой пользы. (18) В самом деле, вы можете увидеть многочисленные доказательства того, что мои мысли постоянно о вас и ни о ком другом. Так, я прибыл в город, однако не в такой, где я мог бы совершать великие дела, но в такой, куда, я знал, приходили ваши предки, когда над ними нависла опасность от перса, и который, как мне было известно, сохраняет по отношению к вам величайшую преданность. (19) Этот город — Трезена⁵, к нему пусть с самой большой благосклонностью отнесутся все боги как из-за верности вам, так и из-за благодеяния ко мне, и ему, со временем оправданный вами, я мог бы воздать по заслугам. Кроме того, когда в этом городе как бы в угоду мне кое-кто пытался порицать вас за ошибочные действия в отношении меня, я, как мне и подобало, сохранил полную сдержанность; по этой причине, как я более всего полагаю, все они восхищаясь мной, оказали мне почести от имени города. (20) И, однако, видя к себе большую доброжелательность этих людей, но в настоящее время сильно уступающее ей могущество, я, перейдя в храм Посейдона, остался на Калаврии⁶, и не только ради безопасности, какую надеюсь обрести с помощью бога (совершенно в этом я не уверен; ибо имеющаяся у других возможность поступить как им захочется с человеком, рискующим своей безопасностью, делает ее непрочной и неопределенной), но также потому, что отсюда я каждый

⁴ Плеоназм *πρῶθεν παράλληλως* дается в переводе без слова *πρῶθεν* («прежде»).

⁵ Перед битвой у Саламина часть афинского населения, женщины и дети, была принята в Трезене (H e g o d., VIII, 41, 1).

⁶ Калаврия — остров в южной части Саронического залива, на котором находился знаменитый храм Посейдона, имевший право асиллии.

день вижу свою родину, к которой я испытываю такую любовь, какую я горячо желаю заслужить от вас.

(24) Итак, афиняне, чтобы я больше не страдал от теперешних невзгод, вынесите относительно меня такое же решение, какое вы уже вынесли относительно некоторых других, чтобы со мной не случилось что-нибудь недостойное вас и чтобы я не был вынужден молить о защите чужих людей; ведь это не говорило бы о вашем благородстве. Но если же разногласия у меня с вами останутся непреодолимыми, то мне лучше умереть. (22) Вы должны с полным доверием отнестись к тому, что я придерживаюсь именно такого образа мыслей, и не считать, что в нынешнем моем положении я могу дерзко нести вздор. Потому-то я и отдался на вашу волю и не уклонился от судебного процесса, чтобы не изменить истине и чтобы никто из вас не оказался в стороне при решении моей участи, но поступил бы так, как ему захочется; ибо я считал, что те, от кого я получил все почести и отличия, должны иметь право, если им угодно, и на неверные действия по отношению ко мне. (23) Когда же, как и следовало ожидать, справедливая судьба одолела несправедливую, она предоставила вам дважды обсуждать то же самое, а так как нет ничего непоправимого в решении по моему делу, то оправдайте меня, афиняне, и вынесите решение, достойное и вас и меня. (24) Ведь в моей прошлой деятельности вы не обнаружили ни одного противозаконного проступка, ни такого, за какой я заслуживал бы лишения гражданских прав или судебного приговора, напротив, вы найдете мою величайшую преданность вашему народу, — чтобы не написать ничего возбуждающего злобу! — мои, более чем кого-либо из ныне живущих, заботы о вашем благе и ярчайшие свидетельства моей личной преданности вам.

(25) Однако пусть никто из вас, афиняне, не считает, что я на протяжении всего письма плачу по малодушию или по какой-нибудь другой недостойной причине. Ведь каждый всецело предается своим насущным горестям, у меня же теперь остается только это — о, если бы этого никогда не случилось! — страдания и слезы, тоска по родине и вам и мысли о том, что я претерпел: все это заставляет меня предаваться скорби. Справедливо принимаемая в расчет, вы в этом, как ⁷ и ни в одном моем политическом действии на благо вам, не обнаружите ни слабости, ни малодушия.

(26) Всем вам я хотел сказать именно это; кроме того, отдельно кое о чем я хочу сказать в вашем присутствии тем, кто настроен против меня. Ведь то, что они делали, угождая вашему неведению, пусть считается, что они это сделали благодаря вам самим, и я ни на что не жалуюсь. Но после того как вы узнали, что это такое, и если эти люди пойдут и мне навстречу, как они это сделали по отношению к остальным, то поступят прекрасно. А если они примутся злословить, то я призываю всех вас прийти мне на помощь и не ставить их неприязни выше вашей милости ко мне. Будьте счастливы.

III

О ДЕТЯХ ЛИКУРГА¹

Демосфен шлет привет Совету и народу.

(1) О тех, относящихся ко мне делах, которые, я считаю, по справедливости должны быть решены вами в мою пользу, я написал вам в преды-

⁷ «Как ни в одном... действии». Принимаем поправку, предложенную Ниче, вставляющего в текст слово $\omega\varsigma$ (W. N i t s c h e, Demosthenes und Anaximenes, Zeitschrift für das Gymnasialwesen, Jahresberichte des philol. Vereins zu Berl., Jg. 32, 1906).

¹ Ликург — государственный деятель, стоявший во главе финансов Афин с 338 по 326 г. Умер в 324 г.

дущем письме; относительно их вы сделаете заключение тогда, когда придаете к соглашению. Но то, что является предметом этого письма, я хотел бы, чтобы вы не оставили без внимания и восприняли бы не с чувством ревности, но справедливости. Хотя я и нахожусь вдали от родины, мне приходится слышать много упреков по вашему адресу в связи со случившимся с детьми Ликурга. (2) Пожалуй, я должен был бы послать это письмо уже в защиту деяний, свершенных им при жизни, за которые вы, как и я, обязаны испытывать к нему чувство благодарности, если только желаете воздать ему должное. Он, с самого начала нашедший свое место в строю как управитель финансами государства и не имевший опыта в составлении предложений относительно греческих и союзнических дел, связал свою жизнь с интересами народа тогда, когда многие, выдававшие себя за приверженцев демократии, покидали вас. (3) И поступил он так, конечно, не потому, что предоставлялась возможность получать с этого дары и доходы — именно все такого рода делалось людьми противоположного лагеря, — и не потому, что это направление политической деятельности он считал менее опасным, — ведь он подвергался многочисленным и вполне очевидным опасностям, которые неизбежно должен был переносить человек, отдавший себя на служение народу, — но потому, что он любил народ и по природе был честным патриотом. (4) Однако по причине сложившихся обстоятельств он собственными глазами видел слабость тех, кто хотел бы помочь народу, и неограниченную силу людей, поступавших противоположным образом. И тем не менее он все-таки придерживался таких политических принципов, которые, по его мнению, служили на пользу народу. И с этого времени он приобрел славу неутомимого государственного деятеля, и словом, и делом доказывающего верность долгу, за что, как всем известно, поступило требование о его незамедлительной выдаче².

(5) Я должен был бы послать это письмо, как сказал в начале, заботясь и о сохранении его доброго имени. Впрочем, считая, что и вам будет полезно узнать о порицаниях, высказываемых посторонними, я с тем большим желанием взялся за составление письма. Я прошу тех, кто испытывает к нему неприязнь, придерживаться истины и выслушать справедливые доводы в его защиту. Ведь вы хорошо знаете, афиняне, что теперь вследствие случившегося с его детьми государство пользуется дурной славой. (6) В самом деле, каждому из эллинов доподлинно известно, что вы почитали Ликурга при жизни сверх всякой меры и, несмотря на многочисленные обвинения, возводимые на него недоброжелателями, никогда ни одно из них не признали соответствующим действительности. Вы до такой степени доверяли ему и по сравнению со всеми считали преданным народу, что о справедливости многих вещей судили по одному слову Ликурга, и этого вам было достаточно; ведь с его стороны не было допущено ничего такого, что позволило бы вам думать о нем иначе³. (7) Поэтому теперь все, кто слышит о том, что его сыновья заключены в оковы, выражают умершему свое чувство жалости, а детям, как незаслуженно пострадавшим, — соболезнование, вас же порицают с такой горечью, что я не решаюсь написать об этом. Люди, высказывающие такие слова, вызывают у меня гнев, и я, насколько могу, вступаюсь за вас. И, однако, имея целью с полной ясностью показать, что многие недовольны, ибо считаю такое знание полезным для вас, я об этом и написал, излагать подробности — я почитаю делом неприятным. (8) И все же, за исключением брани, я сообщу,

² Требование Александра о выдаче ряда ораторов и стратегов и среди них Ликурга относится к 335 г.

³ Текст испорчен. Диндорф предполагает лакуну после слов «ведь ... не было» (ὁὐ γάρ ἦν). Это мнение поддержано Блассом. Перевод дается по общему смыслу.

о чем говорят некоторые и что считаю полезным послушать. Конечно, никто не предполагает, что вы действительно находитесь в неведении и заблуждаетесь насчет истинного положения дел относительно самого Ликурга. Ведь то, что на протяжении большого периода времени он, подвергаясь испытанию, никогда ни в чем не был найден виновным по отношению к вам — ни помыслом, ни делом, и то, что ни один человек из остальных людей не обвинил бы вас в тупоумии, естественно, устраняют оправдание со ссылкой на неведение. (9) Стало быть, остается то, что любой назвал бы делом негодных людей: пока вы используете каждого, вы, по-видимому, заботитесь о нем, а после этого ни во что не ставите. Какую же благодарность в других отношениях следует ожидать от вас к умершему человеку, когда всякий видит противоположное в отношении к его детям и к его доброму имени — только и заботы у всех людей в свой смертный час о том, чтобы в этом было все благополучно? (10) Поступать таким образом из-за денег также недостойно решения порядочных людей. Ибо это не соответствовало бы ни вашему великодушию, ни вообще вашим наклонностям. Ведь если бы вам понадобилось освободить людей из чьих-либо рук, давши эти деньги за счет общественных доходов, я полагаю, все вы сделали бы это очень охотно. Но видя, что вы воздерживаетесь отменить штраф, который появился благодаря речам и недоброжелательству, я не знаю, что думать, если не то, что вы с исключительной жестокостью и вероломством обратились против людей, преданных народу. А если дело обстоит именно так, то принятое вами решение не является ни правильным, ни полезным.

(11) Я удивляюсь, если никто из вас не замечает того постыдного обстоятельства, что афинский народ, слыvuщий превосходящим всех в благоразумии и образованности, народ, который постоянно является и всеобщим прибежищем для несчастных, оказывается менее разумным, чем Филипп, который, будучи своевольным по природе, ибо воспитан был в произволе, (12) тем не менее считал необходимым придать вид человеколюбия своим действиям, особенно тогда, когда ему полностью сопутствовал успех, и не решался заключать в оковы противостоявших ему в сражении людей, перед которыми он рисковал всем, разузнав, откуда они происходят и кто они такие. В отличие от некоторых ваших ораторов, как кажется, он считал, что не будет ни справедливым, ни благородным относиться к каждому человеку одинаково, но принимал в соображение и степень доброты. (13) Вы же, будучи афинянами и приобщившись образованности⁴, которая, кажется, способна сделать терпимыми и бесчувственных людей, сначала — что является верхом всякой безрассудности — заключили в тюрьму сыновей за то, в чем кто-то обвиняет их отца, затем утверждаете, что этот поступок означает равенство, как будто рассматриваете равенство веса или меры, а не судите о принципах и характере государственной деятельности людей. (14) Если вам, испытавшим это на себе, представляются дела Ликурга полезными, направленными ко благу народа и свидетельствующими о преданности, то справедливость требует, чтобы его дети не только⁵ не претерпели от вас никакого зла, но и удостоились всяческих благ. А если это совсем не так, то Ликург еще при жизни должен был понести наказание, и на его детей не обрушился бы такой гнев из-за того, что некто подает на него жалобу. Ведь для каждого предел ответственности за все проступки — его смерть. (15) Итак, если вы будете вести себя таким образом, что люди, настроенные в каком-то

⁴ Часть рукописей вместо слов «приобщившись образованности» (παιδείας μετέχοντες) имеет «живущие в обстановке откровенности» (ἐν παρησία ζῶντες). Перевод сделан в соответствии с чтением Бласса.

⁵ Слова «не только» (μη μόνον) — конъектура Бласса.

отношении против политических деятелей, действующих в интересах народа, не только не примирятся с умершими, но и будут все время сохранять вражду к их детям, а народ, которому оказывает помощь каждый из его защитников, будет помнить о благодарности лишь до той поры, пока пользуется их услугами, а потом — никакой заботы, то не может быть ничего более жалкого, чем решение посвятить себя защите интересов народа.

(16) Если же Мерокл ⁶ отвечает, что все это — слишком мудрено для него и он сам заключил их в оковы, чтобы не ускользнули, то спросите его, почему же он не обращал внимания на справедливость закона тогда, когда Таврей, Патек ⁷, Аристогитон ⁸ и он сам были переданы в тюрьму и не только не были скованы, но и выступали перед народом с речами.

(17) А если он скажет, что он тогда не занимал должности, то ему на основании законов не подобает и говорить. В таком случае, в чем состоит равноправие, когда одни отправляют должность, кому запрещено выступать, а другие заключаются в оковы, чей отец во многом оказывался вам полезным? (18) Я, право, не могу понять, если только вы не хотите открыто показать, что гнусность, бесстыдство и подлые наклонности взяли верх в государстве и что есть большие опасения относительно их поддержки, и что если произойдут какие-нибудь затруднения у таких людей, то их ожидает оправдание, а стремление жить в соответствии с требованиями порядочности, благоразумия и преданности народу будет делом ненадежным, и если случится какая-нибудь неудача, то выхода из нее не будет.

(19) И однако, я также оставлю без внимания все такое, как и то, что несправедливо придерживаться мнения о Ликурге противоположного тому, какое составилось о нем у вас при его жизни, и что справедливость требует чтить умерших выше, чем людей ныне здравствующих; полагаю, что это всеми единогласно признается. Во всяком случае, я рад был бы видеть, что вы помните о всех остальных, чьи дела, завещанные отцами, вы храните в памяти, например, как о потомках Аристида, Фрасибула, Архина ⁹ и многих других. (20) Я привел эти примеры не для того, чтобы упрекать вас. Я настолько далек от этого, насколько вижу в таких примерах высшую пользу для государства. Поэтому способствуйте, чтобы все, что предан народу, видели, что если почестям, полагающимся им при жизни, противостояло недоброжелательство, то, по крайней мере, для их детей вами будет сделано все должное. (21) Действительно, разве не глупо, чтобы не сказать постыдно, что вы, с одной стороны, по справедливости сохраняете благожелательность к одним людям, хотя давно и миновало то время, когда они приносили пользу, и о добрых делах их вы слышите, но отнюдь не воспринимаете собственными глазами, а с другой, — для Ликурга, когда его политическая деятельность и смерть столь свежи в памяти, (22) вы не готовы на то, на что готовы были в другое время для людей безвестных и даже для тех, от кого терпели обиды, — на жалость и человеколюбие, — ни по отношению к нему самому, ни по отношению к его подвергшимся наказанию детям, которых пожалел бы и недруг, обладай он чувством справедливости и способностью рассуждать?

(23) Но меня удивляет еще и то обстоятельство, что кто-то из вас не понимает, как вот это, делаясь явным, не приносит пользы государству: одни, кто заручился дружеской поддержкой в какой-то иной стране, имеют во всем преимущество и в то время, когда им сопутствует успех, а если потерпят какую-нибудь неудачу, легко находится выход; другие же, свя-

⁶ Мерокл — сторонник антимакедонской партии. Его выдачи в 335 г. требовал Александр.

⁷ Таврей и Патек — неизвестные лица.

⁸ Аристогитон — известный оратор, сторонник промакедонской партии.

⁹ Аристид, Фрасибул, Архин — знаменитые политические деятели V в. до н. э.

завшие свою судьбу с народом, не только имеют меньшее влияние во всех отношениях, но и лишь они одни из остальных людей неизменно попадают в беду. А что это бывает именно так, нетрудно показать. (24) Кому из вас неизвестен случай, происшедший с Ллахетом¹⁰, сыном Меланопа: ему таким же образом был вынесен приговор в суде, как и теперь детям Ликурга, но полностью прощен штраф, после того как прислал письмо Александру? И опять-таки — с Мнесибулом¹¹ из Ахарн, когда он был осужден по такому же приговору суда, как и дети Ликурга, но был оправдан за свою прекрасную деятельность? Ибо достойный был человек. (25) И никто из тех, кто теперь поднимает шум, не говорил, что вследствие таких решений нарушаются законы. Справедливо. Ибо они, действительно, не нарушались, если только все законы издаются в целях установления справедливости и оправдания честных людей и если есть польза в том, чтобы у людей, попавших в беду, несчастья не были бесконечными и в том, чтобы вы не оказались неблагодарными. (26). Все же, если есть польза от того, чтобы дела обстояли так, как мы сказали бы, то вы не только не нарушали законы, когда оправдывали их, но и оберегали репутацию¹² людей, издавших законы, — Ллахета вы простили, уважив просьбу Александра¹³, а Мнесибула оправдали за непорочность его жизни. (27) Итак, не делайте явным того, что гораздо выгоднее приобрести какие-нибудь дружественные отношения за пределами страны, чем вверить себя народу, и лучше находиться в безвестности, чем быть известным в качестве политического деятеля, приносящего пользу вашему большинству. Ведь невозможно, чтобы человек, подающий советы и занимающийся общественными делами, пришелся по душе каждому. Но если кто из преданности имеет одинаковый образ мыслей с народом, то он достоин оправдания. В противном случае вы, с одной стороны, научите всех служить другим более, чем народу, с другой — отказываться от любого признания заслуг за теми, кто приносит вам пользу. (28) В целом же, общим позором для всех, афиняне, и несчастьем всего города является то, что недоброжелательство у вас, по-видимому, имеет большую силу, чем признательность за добрые дела, хотя одно есть порок, а другое числится в сонме богов.

(29) И, однако, я не умолчу о Пифее¹⁴, человеку, до того как он приобрел известность, преданном народу, а затем — готовом на все против вас. Кому неизвестно, что он, когда вступал на путь политической деятельности держа вашу сторону, подвергался преследованию, как раб, и обвинялся судебным порядком в незаконном присвоении гражданских прав, и едва не был продан теми, в угоду кому, теперь уже в качестве сообщника, он писал речи против меня; (30) что то, в чем он тогда обвинял других, теперь делает сам, разбогател до такой степени, что содержит двух гетер, которые, как и справедливо, довели его до чахотки; что приговоренный к штрафу, он выплатил пять талантов с большей легкостью, чем ранее перенес штраф в пять драхм, что, вдобавок к этому, он не только вместе с вами, народом, делит гражданские права, какое обстоятельство является общим позором для всех, но и совершает унаследованные от отцов жертвоприношения в Дельфах за ваше благополучие? (31) И вот, ког-

¹⁰ Сведения имеются лишь о его знатном происхождении (*Thuc.*, III, 86).

¹¹ Лицо неизвестное.

¹² «Оберегали репутацию» (τοὺς βίους ἐσφίζετε). Текст, по-видимому, испорчен. Чтение, сохраняемое всеми рукописями, не дает удовлетворительного смысла. Исправления, предлагаемые Ренни вместо τοὺς βίους — λογισμοὺς и Голдстейном — τὴν δαίμοναν, не представляются удачными. Перевод сделан по общему смыслу (ср., однако, *Lys.*, II, 69: τὴν δέξαν διασώζαντες).

¹³ Слово «Александра» (Ἀλεξάνδρου) Бласс считает интерполированным.

¹⁴ Пифей — оратор, сторонник антимакедонской партии, один из обвинителей Демосфена на процессе Гарпала; во время Ламийской войны бежал к македонянам.

да всем можно видеть такие сами за себя говорящие примеры, на основании которых любой и каждый пришел бы к заключению, что стоять на стороне народа невыгодно, я опасуюсь, как бы вы не оказались лишены ораторов, выступающих в вашу защиту, в особенности тогда, когда из числа людей, преданных народу, неумолимая смерть, судьба и время похитили одних, как Навсикла¹⁵, Харета¹⁶, Диотима¹⁷, Менесфея¹⁸ и Евдокса, а также Евтидика¹⁹, Эфиальта²⁰ и Ликурга, других же вы изгнали, как Харидема²¹, Филокла²² и меня. (32) Однако вы и сами не считаете других людей более преданными вам, нежели они. Если же в равной степени — и еще кого, то я не испытываю зависти. Я хотел бы, чтобы их было как можно больше, если только вы обойдетесь с ними справедливо и они не претерпят того, что претерпели мы. Но до тех пор, пока вы показываете вот такие примеры, как теперь, какой найдется человек, который пожелает честно отдать себя на такое служение вам? (33) Зато у вас не будет недостатка в тех, кто станет приписывать себе это; ведь вы его и прежде не ощущали. Пусть же не случится так, что можно будет видеть их разоблаченными, как этих людей, которые теперь занимаются государственными делами в том направлении, какое раньше отрицали, и не чувствуют при этом ни перед одним из вас ни страха, ни стыда! Обо всем этом, афиняне, вам следует подумать и не пренебрегать людьми, верными вам, а также не слушаться тех, которые склоняют город к озлоблению и жестокости. (34) Ныне сложившиеся обстоятельства требуют гораздо больше благожелательности и человеколюбия, чем разногласий и неприязни. Используя обстановку крайней враждебности, кое-кто действует против вас за плату в ожидании событий, в чем пусть не оправдается их расчет! Если же кто-нибудь из вас находит эти предостережения смехотворными, то он глуп сверх всякой меры. Ведь если он, видя, как происходит то, чего никто не мог ожидать, что и прежде случалось, когда подосланные люди вводили народ в заблуждение относительно ораторов, защищавших его интересы, теперь стал бы считать, что этого не может произойти вновь, то разве он в своем уме?

(35) В этом, пожалуй, я мог бы убедить вас с помощью живого слова, будь я среди вас. Поскольку же я нахожусь в таком положении, в каком пусть окажется тот, кто оклеветал меня, что повлекло за собой мое осуждение, я, написав письмо, отправил, заботясь прежде всего о вашей доброй славе и пользе и затем потому, что считаю справедливым показать такие же хорошие чувства к детям Ликурга, какие я испытывал к нему при его жизни. (36) Если бы кому-нибудь пришло в голову, что у меня достаточно своих неприятностей, то я не поколебался бы ответить ему на это, что беспокоюсь о вашей пользе и о том, чтобы не оставить в беде никого из своих друзей, равно как и о собственном оправдании. Однако я делаю это отнюдь не из-за имеющегося у меня излишка благ, но по причине того же самого доброго расположения и преданности вам я одинаково пекусь как об одном, так и о другом. Невзгоды же у меня такие, какие пусть

¹⁵ Навсикл — стратег 334/333 г., единомышленник Демосфена.

¹⁶ Харет — известный полководец наемников, противник македонян. В 335 г. его требовал выдать Александр.

¹⁷ Диотим — стратег 335/334 г., единомышленник Демосфена; его выдачи требовал Александр.

¹⁸ Менесфей — сын Ификрата, полководец.

¹⁹ Евдокс и Евтидик — лица неизвестные.

²⁰ Эфиальт — оратор, единомышленник Демосфена; его выдачи требовал Александр. Пал в сражении на стороне персов в 334 г., защищая Галикарнасс.

²¹ Харидем — известный полководец наемников, афинский стратег, противник македонян; в 335 г., после того как поступило требование Александра о его выдаче, бежал в Персию. В 333 г. казнен Дарием.

²² Филокл — стратег 325/324 г., был привлечен к суду по делу Гарпала.

окажутся у тех, кто замышляет против вас какое-нибудь зло! Но об этом достаточно.

(37) Я хотел бы с дружеской благожелательностью попенять вам, теперь вкратце, а немного позднее — в большом письме, которое можете ждать, пока я буду жив, если прежде не последует ваше справедливое решение относительно меня. Какое небрежение! — Вы (что мне сказать, чтобы не показаться преступным или лживым?), которые не стыдитесь ни прочих, ни самих себя, оправдали Аристогитона в том, за что изгнали Демосфена, (38) и не даете мне то, что получали от вас люди, имевшие смелость вообще не думать о вас, и которым нельзя было давать, чтобы я, — о, если бы это было возможно! — собрав долги и обратившись к друзьям за помощью, наладил с вами отношения. И тогда я, блуждая на чужбине, получив в удел старость и изгнание в качестве вознаграждения за свои труды на ваше благо, не носил бы клеймо позора в глазах тех, кто причинил мне зло. (39) И в то время как я, полагаясь на вашу благосклонность и великодушие, стремлюсь добиться возвращения домой, а с другой стороны, — получить избавление от несправедливо возведенной на меня хулы и прошу лишь о гарантии неприкосновенности на тот срок, который вы установили для выплаты штрафа, вы не принимаете этих условий, но спрашиваете, как рассказывают мне, «кто же препятствует ему появиться здесь и добиваться этого?» (40) Доподлинное знание, афиняне, того, что такое чувство стыда и положение, недостойное людей, ведущих государственные дела на ваше благо, а также потеря имущества вследствие того, что по настоянию некоторых лиц я с самого начала согласился подписаться под уплатой взносов, чтобы они не платили в двойном размере за то, за что не были в состоянии выплатить в ординарном. По возвращении, будь на то ваша добрая воля, я мог бы, пожалуй, из этих денег выплатить часть, если не все, чтобы не провести остаток жизни в позорной нищете, но если бы я возвратился на тех условиях, какие предлагают мне люди, задающие такие вопросы, то вместе с бесчестьем я терпел бы еще нужду и страх. (41) Ничего из этого вы не принимаете во внимание, но недоброжелательно отказывая мне в словах и человеколюбию, вы допустите, если бы такое произошло, чтобы я погиб по вашей вине; ведь я, пожалуй, не стал бы просить о помощи никого другого, кроме вас. И тогда, я в этом уверен, вы скажете, что я подвергся страшным мукам, в то время как это будет уже ни к чему ни мне, ни вам. И, конечно же, не думайте, что у меня есть средства помимо видимого имущества, на которое я теряю права. Однако я намерен собрать оставшуюся часть, если только вы, не упорствуя враждебно, но с пониманием, вдобавок к этой возможности дадите еще и возможность жить в безопасности. (42) Право же, вы не укажете, что я принял деньги от Гарпала. Я не был в этом уличен, да и не принимал их. Если же вы имеете в виду общеизвестный авторитет Совета Ареопага²³, то, вспомнив о процессе Аристогитона, прикройте лица от стыда: у меня нет более мягких слов к людям, совершившим преступление против меня. (43) Не станете же вы утверждать, что справедливость требовала, чтобы он в тех же самых выражениях по заявлению того же самого Совета был оправдан, а я осужден; не до такой же степени вы безрассудны! Ведь это недостойно меня, я не заслуживаю этого, я не хуже, чем он, а то, что несчастен по вашей вине, — согласен. Действительно, разве не несчаст-

²³ Рукописное чтение τὸ ἄξιωμα τῆς βουλῆς ἢ τὸν Ἄρειον πάγον («авторитет Совета или Ареопага») дает неудовлетворительный смысл. В письмах всюду, за исключением обращений в начале, βουλή означает Совет Ареопага. Перевод сделан в соответствии с чтением Райске и Нойперта, уничтожающим слова ἢ τὸν Ἄρειον πάγον (Neupert A. De Demosthenicarum quae feruntur epistularum fide et auctoritate. Lipsiae, 1885).

тен, когда вдобавок ко всем бедствиям мне пришлось еще сравнивать себя с Аристокитоном, и это в то время как я осужден, а он оправдан?

(44) Впрочем, не считайте, что эти мои слова сказаны в состоянии гнева. Я не могу позволить себе этого по отношению к вам. Однако обиженные люди, поведав свое горе, находят в этом некое облегчение, подобно тому как больные — в стенании, что же касается добрых чувств, то я в такой же степени питаю их к вам, в какой хотел бы, чтобы вы их питали ко мне. Я и прежде показывал это во всем и в дальнейшем буду поступать так. (45) С самого начала я знал, что всякому человеку, занимающемуся государственной деятельностью, если бы только он был справедливым гражданином, следует относиться ко всем гражданам так, как дети относятся к родителям — молиться, чтобы они были как можно снисходительнее, и благожелательно сносить их такими, какие они есть. Поражение в этом рассматривается благоразумными людьми как прекрасная и достойная победа. Будьте счастливы.

IV

О ЗЛОСЛОВИИ ФЕРАМЕНА¹

Демосфен шлет привет Совету и народу.

(1) Я слышу, что Ферамен злобно говорит обо мне и, в частности, попрекает меня несчастной судьбой. Конечно, меня не удивляет его невежество о том, что благоразумные люди не видят никакой пользы от брани, которая не доказывает порочности того, против кого она направлена. Ведь было бы более неожиданным, если бы он, ведущий разнузданный образ жизни, не гражданин по рождению, с детства воспитанный в притоне, понимал бы что-нибудь в этом, чем то, что он не имеет представления об этом. (2) Итак, что касается Ферамена, то я, если только когда-нибудь вернусь и буду оправдан, попытаюсь с ним побеседовать относительно тех его пьяных оскорблений, которые он наносит мне и вам, и, полагаю, хотя ему вообще несвойственно чувство стыда, заставить его вести себя впредь скромнее. Вам же я хочу в интересах общей пользы высказать в письме те соображения, какие я имею на этот счет. Выслушайте их, обратив все ваше внимание; думаю, что их стоит не только послушать, но и запомнить.

(3) По моему убеждению, из всех городов ваш город является самым счастливым и самым угодным богам. В самом деле, мне известно, что в своих прорицаниях так постоянно говорят и Зевс Додонский, и Диона², и Аполлон Пифийский. И они подтверждают, что благая судьба пребывает у вас в городе. Итак, когда боги раскрывают будущее, ясно, что они его предсказывают. Но наименование этим новым событиям они дают, связывая их со старыми. (4) Те дела, которые совершил я у вас в качестве политического деятеля, уже находятся в прошлом, за них боги назвали вас счастливыми. В таком случае, есть ли справедливость в том, что те, кто поддавался убеждению, именуются счастливыми, а тот, кто убедил их, получает в удел прозвание, противоположное этому? Разве что кто-нибудь скажет, что о всеобщем счастье, установившемся благодаря моим советам, свидетельствуют боги, у которых не в обычае говорить неправду, а брань, высказанная в частном порядке, которую бросает мне в лицо Ферамен, исходит из уст человека наглого, бессовестного и лишенного рассудка.

(5) Однако не только с помощью прорицаний богов вы обнаружите, является ли ваша судьба счастливой, но и рассматривая самые факты, вы смогли бы безошибочно определить это. Ведь если вы пожелаете рассмотреть вещи с человеческой точки зрения, то найдете, что благодаря моим

¹ Лицо неизвестное.

² Диона — оракул Дионы в Додоне.

советам государство стало очень счастливым. Но если же вы будете стремиться преуспеть в том, что находится во власти одних богов, то добиваетесь невозможного. (6) Что же является исключительно достойным богов, а для людей оказывается недоступным? Это то, что, владея всеми благами, они властны и сами пользоваться ими и давать остальным, дурного же они от веку никогда ничего не претерпели и, конечно, не претерпят. И вот, если дело обстоит так, как подобает, посмотрите на ваши обстоятельства сравнительно с другими людьми. (7) Ведь не найдется столь неразумный человек, который стал бы утверждать, что дела лакедемонян, которым я не подавал советов, или дела персов, у которых я никогда не был, предпочтительнее, чем обстоятельства, сложившиеся у вас. Я уже не говорю о кашпадокийцах, сирийцах и о тех, кто населяет страну Индию, людях, живущих на самом краю земли; всем им пришлось претерпеть много ужасных и тяжелых бедствий. (8) Но, клянусь Зевсом, все согласится с тем, что вы находитесь в лучшем положении, нежели они, но в худшем, чем фессалийцы, аргосцы, аркадяне или некоторые другие, кому пришлось быть в союзе с Филиппом. Однако вы оказались в выигрыше и гораздо больше, чем эти последние, не только по той причине, что не были поработаны (впрочем, что еще соизмеримо с этим?), но и потому, что все они считаются виновными как в бедствиях, выпавших на долю эллинам из-за Филиппа, так и в том, что стали рабами; за это они справедливо снискали ненависть. (9) Вас же видят жертвующими в борьбе за эллинское дело и людьми, и средствами, и городом, и страной — решительно всем, а взамен этого вы обрели заслуженную славу и бессмертную благодарность от людей, которые стремятся поступать в соответствии со справедливостью. Итак, благодаря моим советам обстоятельства сложились таким образом, что ваше государство среди тех, которые оказывали сопротивление, занимает самое видное положение, а среди тех, которые сотрудничали, оно имеет более славную репутацию.

(10) Именно по этой причине боги дают благоприятные предсказания вам, а несправедливую хулу они обращают на голову тому, кто ее высказывает. Всякий, кто только захотел бы проверить образ жизни Ферамена, может это узнать. Ведь он по собственной склонности делает то, за что каждый призвал бы на него проклятия. (11) Он враг своих родителей, но друг развратника Павсания; держит себя вызывающе, подобно мужчине, но терпит, как женщина; он важничает перед своим отцом, но унижается перед подлецами; в своих мыслях он гордится тем, что у всех вызывает отвращение, — способностью говорить непристойности и рассказывать о таких делах, какими оскорбляются слушатели; он же, как человек немудрящий и невоздержанный на язык, не унимается. (12) Пожалуй, я не стал бы писать об этом, если бы у меня не было желания напомнить вам еще раз о присущих ему пороках. Ведь имеются вещи, о которых всякий затруднился бы сказать и поостерегся изложить письменно, полагаю, уже по той причине, что они омерзительны для слуха. Помня о написанном мной, каждый из вас знает, что за этим человеком числится много ужасных и позорных дел, так что и мне не пришлось сказать ничего неподобающего, и он будет живым напоминанием для всех о своей порочности. Будьте счастливы.

V

К ГЕРАКЛЕОДОРУ¹

Демосфен желает здравствовать Гераклеодору.

(1) Я или не должен верить, или не могу поверить тому, о чем сообщил мне Менеократ. А именно он сказал, что Арат сделал донос на Эпитима

¹ Адресат и все лица, упоминаемые в письме, неизвестны.

и привлек его к ответственности, ты же принимаешь участие в судебном преследовании и являешься для него самым опасным пз обвинителей. Я прошу тебя ради Зевса Охранителя гостеприимства и ради всех богов не подвергать меня никакой неприяности и страшной беде. (2) Хорошо знай, что я не только проявляю заботу о спасении Эпитима и посчитал бы большим несчастьем, если бы он пострадал, а ты оказался бы причастным к этому. Я стыжусь тех, кто знает о моих словах, какие я говорил о тебе перед всеми людьми в твердой уверенности, что я говорю правду, зная тебя не только по близкому общению, (3) но и видя, что ты пользуешься славой и воспринял образованность, притом на основе занятий философией Платона, которая, воистину, не ведая обмана и ухищрений, исследует все ради величайшего блага и высочайшей справедливости. Клянусь богами, человеку, приобщившемуся к ней, по моему мнению, недостоинно не только лгать, но и не быть во всех отношениях доблестным. (4) А вот это было бы для меня самым неприятным, если я, испытывая к тебе привязанность, вынужден был бы переменить о тебе мнение. Я мог бы предположить, что меня презирают и обманывают, и хотя я не утверждаю этого, однако считаю, что дело могло бы обстоять именно таким образом. (5) Если же ты пренебрегаешь мной из-за того, что я не принадлежу к первым лицам в государстве, то прими во внимание, что и ты некогда был молодым и находился в том же возрасте, в каком нахожусь теперь я; столь же известным ты стал благодаря участию в государственных делах. Быть может, и мне это выпадет на долю. Разумно мыслить нетрудно и дело пошло бы. Прекрасна услуга, справедлива любезность: так окажи ее мне. (6) И не позволяй руководить собой никому из тех, кто слабее тебя разумом, но направляй их на свой образ мыслей. И поступай так, чтобы наше единомыслие ни в чем не потерпело ущерба, но чтобы для Эпитима нашлось какое-нибудь оправдание и избавление от опасностей. Появлюсь же я в то время, когда ты дашь знать, что наступил благоприятный момент. Напиши мне письмо и напиши как другу. Будь счастлив.

VI

К АФИНСКОМУ СОВЕТУ И НАРОДУ

Демосфен шлет привет Совету и народу.

(1) Синедрам союзников от Антифила¹ пришло письмо; для тех, кто горячо надеется на благоприятный исход, оно написано в удовлетворительном смысле, прислужникам же Антипатра оно дает повод для достаточно неприятных раздумий. Эти люди, получив послание от Антипатра, направленное Динарху² в Коринф, наполнили все города на Пелопоннесе такими речами, какие пусть обратят боги на головы их самих! (2) Теперь, после того как вместе с моим письмомосцем прибыл человек, отправленный Полемаистом к моему брату Эпинику³, мужу, преданному вам, и моему другу, и тот привел его ко мне, я решил, выслушав то, что он мне говорил, послать его к вам, чтобы вы ясно услышали обо всем происшедшем в лагере из уст самого участника сражения, с тем, чтобы вы в настоящее время успокоились и чтобы надеялись получить в остальных отношениях от благосклонных богов то, чего желаете. Будьте счастливы.

¹ Антифил — афинский стратег, заменивший павшего в Ламийской войне Леосфена.

² Динарх — сторонник Антипатра в Коринфе, провозглашенный Антипатром, эпилетом Пелопоннеса.

³ Полемаист и Эпиник — лица неизвестные.